

УДК 821.161.1.09-293.7+929Платонов

РАБОТА А. П. ПЛАТОНОВА В КИНО (1927–1930 гг.)

Р. Е. Клементьев

Клементьев Руслан Евгеньевич, научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), ruslankle@gmail.com

Статья посвящена истории кинодраматургии А. П. Платонова 1927–1930 гг., отношениям писателя с ведущими киноорганизациями этих лет; впервые в научный оборот вводятся новые архивные документы и материалы кинопериодики, связанные со сценариями Платонова.

Ключевые слова: Андрей Платонов, либретто, кинодраматургия, сценарии, кино 1920-х.

A. P. Platonov's Work For The Cinema in 1927–1930

R. E. Klementiev

Ruslan E. Klementiev, ORCID 0000-0002-2861-6400, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25A, Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia, ruslankle@gmail.com

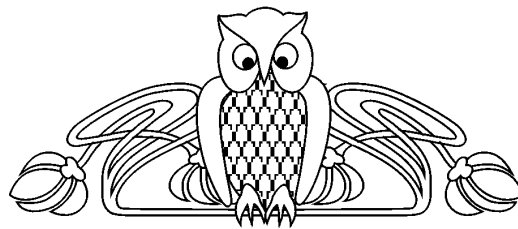
The article considers the history of A. P. Platonov's screenwriting in 1927–1930s, the writer's relationships with the leading cinema organizations of those times; for the first time new archive documents and materials of cinematic publications related to Platonov's screenplays are introduced into scientific discourse.

Key words: Andrey Platonov, libretto, screenwriting, screenplays, cinema of the 1920s

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-312-317

Кинодраматургическое наследие А. Платонова ввиду своего «прикладного», периферийного характера много лет оставалось в стороне от пристального внимания литературоведов. Это вполне справедливо – первостепенным было возвращение большой и малой прозы писателя. Однако работа над первым научным собранием сочинений, готовящимся в ИМЛИ РАН, не позволяла откладывать разработку кинонаследия Платонова на еще более долгий срок. Первыми крупными исследованиями темы «Платонов и кино» стали статья Н. В. Корниенко «Киносценарии в творческой истории «Котлована»»¹ и комментарии к изданию записных книжек писателя². Первым итогом – комментарии к разделу «Сценарии» 2-го тома научного собрания сочинений³ – к либретто и сценарию «Песчаная учительница», либретто «Епифанские шляпы» и «Надлежащие мероприятия», а также публикация заявок Платонова на сценарии.

Обращение Платонова к жанру киносценария не является чем-то исключительным: с середины 1920-х гг. из года в год одним из главных способов

борьбы со «сценарным кризисом», тормозившим развитие советского кинематографа, объявлялось обязательное привлечение к активной работе в кино писателей. Тема эта в литературоведении разработана еще слабо, но при погружении в документы эпохи первого советского десятилетия создается впечатление, что в стороне от кино (в качестве сценариста, критика или автора статей кинопериодики) остались лишь единицы писателей.

Неоднократно отмечалось, что ввел Платонова в кино, по всей видимости, В. Шкловский, познакомившийся с писателем еще в Воронеже⁴. Роль Шкловского в начале «кинокарьеры» Платонова, вероятно, состояла не только в прямом совете писать сценарии, но и в установлении связей с киноорганизациями.

О мотивировке самого Шкловского дают подсказку материалы, связанные с киносценарными опытами О. Э. Мандельштама. Мандельштам в июне 1927 г. опубликовал в журнале «Советский экран» юмореску «Я пишу сценарий», которая начиналась словами: «Шкловский посоветовал мне написать сценарий и скрылся, мелькнув огуречной головой. Больше я его не видел, но получилось вот что: я проклял Шкловского до седьмого колена»⁵. Более чем за год до этого, в письме к жене от 7–8 февраля 1926 г. Мандельштам сообщает: «Вчера договорился со Шкловским. Он предлагает мне съездить в Москву. Его киноиздательство будто бы само догадалось, что меня нужно подкормить»⁶. Очевидно, слово *подкормить* ключевое в обозначении цели совета Шкловского. Ценные сведения о соображениях, которыми руководствовался в данных случаях Шкловский, находим в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам: «Шкловский <...> уговаривал что-нибудь написать для кино. На то, что сценарий пройдет и будет напечатан, надеяться нельзя, объяснял Шкловский, но фабрика платит за всё, начиная с заявки и либретто на нескольких страничках. Всем, к кому Шкловский хорошо относился, он давал именно этот совет и предлагал вместе написать сценарий. Такое предложение было у него чем-то вроде объяснения в любви и дружбе»⁷.

Ситуация с Платоновым могла быть аналогичной. Характерно, что совет писать для кино являлся своеобразной материальной помощью людям, к которым Шкловский испытывал большую приязнь. Это, по всей видимости, в 1927 г. было справедливо и в отношении к Платонову.

Попытки Платонова войти в круг кинематографистов начались чуть раньше, чем принято считать. Уже после того как 2-й том научного собрания сочинения Платонова был напечатан, Н. В. Корниенко обнаружила документ о фактическом устройстве Платонова на работу в «Совкино» в конце апреля 1927 г. Ранее по письмам к жене было известно, что вопрос о службе решался, и Платонов с большими надеждами ожидал окончательного решения. В РГАЛИ был найден так называемый трудовой список – аналог более поздних трудовых книжек. Напечатанная типографским способом тонкая брошюра заполнена от руки, но почерк, судя по всему, принадлежит не Платонову.

Заполненные сведения:

«Родился в “1899” году “август” мес. “16” чис.»

Основание: «Личная выписка воинск. учета выд. Тамбовским Терокругом»⁸.

3) Социальное положение «служащий».

4) Подчеркнуто среднее и неоконченное высшее образование.

Среднее: «Воронежский Политехникум»

Незаконченное высшее: «2 курса Ист. филологич. ф-та б. Юрьевского Университета».

5) Профессия:

«Литератор – 10 л<ет>

Техник – 6 <лет>»

6) Беспартийный

7) Член профсоюза «сх. и лесн. раб. с 1918 года».

Основание: «Проф. Бил. № 53 в<нрзб>».

8) На военном учете «1 кр-ского состава вневоиск. группа 66 катег.»

Основание: «Личная выписка выдан. Тамбовск. Терокругом».

Данные о прохождении службы с отметкой, что все они «Документами не подтверждены»:

1. 1918 г. по 1922

«Учился в Политехникуме и одновременно служил в редакции журнала “Железный путь” (Орг. Глав. Революц. К-та Ю. В. ж. д.) затем в редакциях газет “Красная деревня”; “Известия Воронежск. Укрепрайона”; “Коммунизм”; “Наша деревня”».

2. 1922 «И. О. Глав. инженера по сооружению Донской Гидроэлектрич. силовой установки, затем Зав. работами по электрификации с.х. и губернским мелиоратором».

3. 1926 «Всеросс. съездом мелиораторов избран постоянным председателем в ЦК союза с.х. и лесн. раб. секции инж. тех. сил».

4. 1926 июнь по август «Зам отв. секретаря секции инженерно технич. сил при ВЦСПС».

5. 1926 август-декабрь «Инженер-Гидротехник Наркомзема».

6. «1926 XII по 1927 III 25» «Тамбовский Губмелиоратор»⁹.

В документе указана дата зачисления в «Совкино» – 28 апреля 1927 г. и должность: «Отв. Секретарь Планово-Технической части произв. худож. отд. Совкино». Таким образом, получается, что в апреле Платонов был зачислен на службу в

«Совкино». Но что-то пошло не так: на титульном листе стоит недатированная резолюция: «Приказ о назначении отменен» с подписью неизвестного лица. Никаких других подписей, в том числе Платонова, в документе нет. Возможно, данные, внесенные в анкету, заполнялись под диктовку писателя или переписывались с предоставленного им материала. В сохранившихся далеко не полностью приказах по фабрике «Совкино» этого времени упоминаний о принятии Платонова на службу не обнаружено.

Попытки поступить на службу в «Совкино», впрочем, продолжались и в середине лета, о чем свидетельствуют письма к жене от 3 и 14 июля 1927 г.: «Завтра ответ в Совкино о службе. <...> Не дадут службы, поищу еще где-нибудь»; «Может, с Совкино что выйдет»¹⁰. С мая шла работа над либретто и сценарием – экранизацией рассказа «Песчаная учительница»¹¹. Платонов, вероятно, пока еще воодушевлен и полон надежд: уже в июле он пишет жене: «Снимать картину будут в калмыцкой степи в августе и сентябре»¹², очевидно, рассчитывая, что производство картины начнется очень быстро. Помимо сценарной работы Платонов рассчитывает помогать на съемках и даже надеется устроить Марию Александровну в качестве исполнительницы одной из ролей. Судя по письмам, первоначальным планом было добиться для Марии Александровны главной роли – Марии Нарышкиной, но, очевидно, для этого авторитет Платонова на кинофабрике был слишком мал, и жену пришлось заранее уговаривать на второстепенную роль: «Я бы считал, что тебе лучше сыграть Гюлизар: у тебя тонкое острое лицо»¹³. В письме от 14 июля находим следы споров по этому поводу: «Гюлизар я сам придумал (кто мне мог советовать?). Мне казалось, что ты в этой роли будешь лучше. А роль Гюлизар теперь большая»¹⁴. Платонов явно пытается здесь оправдаться при обвинении, будто он специально по чьему-то совету ввел в сюжет Гюлизар, чтобы не хлопотать о главной роли для жены.

Сценарий обрекается на череду переделок и отдается в разработку другим сценаристам¹⁵: «Песчаная учительница» – самое часто встречающееся платоновское название в сохранившихся документах «Совкино» 1927–1930 гг. В дополнение к упоминавшимся М. Богомоловой фактам приведем еще несколько выдержек из документов, в которых упоминается «Песчаная учительница» и даются разные идеологические формулировки темы и содержания сценария – они многократно менялись.

В фонде АРК (Ассоциация работников революционной кинематографии) РГАЛИ на обороте одного из протоколов 1930 г. заседаний комиссии по пересмотру кинорепертуара для деревни сохранилась страница 58 из не установленного недатированного документа, содержащего характеристики фильмов находящихся в работе: «Сценарий “Песчаная учительница” Московской фабрики Совкино».

Тема о культурной роли учительницы развернута на материале борьбы с наступлением посево (так! – должно быть, очевидно, «кочевников» – Р. К.) В результате победы, кочевники переходят к оседлому земледельческому труду»¹⁶.

Сценарий здесь отнесен в раздел «Культурная роль учителя», имевший следующую аннотацию: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на какой он никогда не стоял и не стоит – и не может стоять в буржуазном обществе. Это истина – не требующая доказательства. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонно настойчивой работой и над его духовным подъемом, всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию и, главное, <...> – над поднятием его материального положения»¹⁷.

В «Проекте ориентировочного сценарно-тематического плана на 1927/28 год» значилось: «Картина из быта советского учительства (деревенского). Этот слой интеллигенции до сих пор никак не показан, хотя имеет огромное значение в СССР. Пока имеем сюжетную наметку сценария по рассказу Платонова “Песчаная учительница”. (Борьба за культуру и против песчаных заносов в глухой деревушке Астраханской губернии)»¹⁸.

Ниже в том же документе в разделе «Разные сверх плана (резервные)»: «Песчаная учительница – Быт учительства (По рассказу Платонова)». Рядом стоит отметка карандашом: «в план»¹⁹.

В Справке «К резолюции Главреперткома о тематическом плане “Совкино” на 1927/28 пр. год» «Песчаная учительница» отнесена к категории: «3. Борьба за коллективн. формы земледелия (колхозы, коммуны, машинные т-ва и т. п.)». К этой же категории причислена «Генеральная линия» Эйзенштейна и ряд других картин²⁰.

Либретто «Песчаная учительница» Платонов закончил в начале лета. Точно неизвестно, с какого момента началась работа над первым вариантом полноценного сценария, но о том, что Платонову заказан сценарий «Песчаная учительница», сообщил бюллетень Бюро Печати «Совкино» от 5–17 сентября 1927 г.²¹

Летом 1927 г., Платонов, как свидетельствует письмо к жене от 14 июля 1927 г., вел переговоры с «Совкино» о сценарии из жизни сектантов: «Сейчас только звонили из Совкино <...>, чтобы завтра я зашел поговорить о сценарии из жизни сектантов. Дадут денег вперед – буду работать, а иначе откажусь»²².

Как раз в это время в производственных планах «Совкино» стояла тема «Сектанты»: «Деятельность сектантских групп. Влияние их на рабочий быт. Борьба с ними. Судьба рабочей семьи, вовлеченной в сектантские группировки»²³. Вероятно, переговоры закончились ничем и тему за Платоновым не закрепили. Тема фильма о сектантах продолжала стоять в плане, однако подверглась критике в «Конспективном анализе

художественно-производственного плана Совкино на 1927/28 г.»: «Вызывает большое сомнение целесообразность постановки картины “Сектанты”, в качестве антирелигиозной темы. Тут и скользкий путь смакования разных уклонов в области эротического, а главное, есть опасность, что антирелигиозная тема в художественном оформлении лишь вызовет нездоровое любопытство к сектантам и будет иметь обратное действие»²⁴.

Непроясненным остается вопрос авторства краткого либретто «Нико Пиросман», частично сохранившегося на оборотах рукописи повести «Строители страны», вошедшей затем в роман «Чевенгур» (либретто, таким образом, можно датировать 1927–1928 гг.). Н. В. Корниенко, первый публикатор текста, допуская, что это мог быть некий образец, данный для примера писателю, острожно высказалась в пользу авторства Платонова: несмотря на неавторизованность машинописи «Нико Пиросмана», тематика, фигура героя, ряд мотивов и деталей текста явно перекликаются с творчеством самого Платонова²⁵. Действительно, одна из сюжетных ситуаций либретто связана с очень близкой Платонову железнодорожной темой, а мотив оборвавшихся вагонов, предотвращенной-непредотвращенной аварии станет переходящим в более позднем блоке его рассказов, пьес и сценариев из жизни железнодорожников. В любом случае этот довольно яркий текст представляется необходимым сохранить хотя бы в разделе Dubia.

До сих пор почти не документирована история либретто «Епифанские шлюзы» по одноименной повести Платонова 1927 г. До сегодняшнего дня известен лишь факт рецензирования этого текста на киностудии в октябре 1929 г.: «Ведомость на выплату вознаграждения за проработанный материал рецензентам сценарного отдела с 1/XI по 15/XI – 29 г.

Петренко <...> Епифанские шлюзы 35 стр.»²⁶

Дополнительно удалось обнаружить упоминание о «Епифанских шлюзах» в номенклатуре тем для плана на 28/29 и 29/30 г. Среди «Исторических тем до XIX в.» указано: «29. Крестьяне на постройке шлюзов в XVIII веке (Епифанские шлюзы)»²⁷.

Одной из причин, по которой «Епифанские шлюзы» не пошли в производство, могла стать развернувшаяся в конце 1920-х гг. критика костюмно-исторических лент. Их производство обходилось слишком дорого, а содержание было сомнительным с точки зрения советской идеологии. Многие картины исторического содержания помечались в планах как «экспортные», т. е. рассчитывалось, что историческая, национальная экзотика привлечет иностранных покупателей. Среди таких экспортных фильмов значилась и картина из петровских времен: «Петр I и Леди Гамильтон». Очевидно, название призвано было заинтриговать непосвященных зрителей неожиданным объединением фигур русской и ан-

глийской истории, однако речь в фильме должна была пойти о жизни и смерти одной из любовниц Петра – Марии Даниловны Гамильтон. Данный исторический сюжет обладает всеми необходимыми элементами лихо закрученного авантюрного фильма с трагическим финалом: любовница, к которой Петр охладел, заводит тайного любовника, крадет для него драгоценности императрицы, убивает рождающихся от него детей, чтобы держать связь в тайне, и т. д. Связи, кражи, убийства раскрыты – Марию Гамильтон казнят. По легенде, присутствовавший на казни Петр целует в уста отрубленную голову любовницы и приказывает заспиртовать ее.

В 1928 г. В. Киршон негативно оценивает тенденцию создания в СССР специальных экспортных фильмов, среди которых, в частности, называет и эту запланированную постановку «Петр I и Леди Гамильтон»²⁸. В том же ключе высказались авторы сборника «Советское кино перед лицом общественности» (1928). Против запланированного фильма о Петре выступил критик и сотрудник «Совкино» В. Сольский: «Мы высказываемся против костюмных исторических боевиков потому, что этот жанр больше всего годится для того, чтобы скрыть основные классовые, идеологические вехи. Мы допускаем возможность того, что некоторые из этих картин могут получиться хорошими в художественном отношении и выдержанными идеологически. Но <...> перед Совкино стоят другие, <...> гораздо более важные задачи. <...> мы не против истории. Но мы против того чтобы сейчас, на 11-м году нашей революции, крупнейшая производственная киноорганизация Союза затрачивала основные производственные суммы на то, чтобы привлечь внимание массового зрителя к хранению в спирте Петром головы английской лэди по фамилии Гамильтон. Мы думаем, что есть другие, более серьезные проблемы, требующие освещения в кино»²⁹.

Еще одно платоновское название в документах кинофабрик – «Лампочка Ильича» (впервые упомянуто в работах Н. В. Корниенко) – вероятно, авторская киноинсценировка «Рассказа о потухшей лампочке Ильича». Единственное известное упоминание находится в «Ведомости на выплату вознаграждения за проработанный материал рецензентам сценарного отдела 1-й фабрики Совкино 15/IX по 1/X – 29 г.»: «Новогрудский <...> “Лампочки Ильича” 5 <стр.>»³⁰. Стоит обратить внимание на множественное число – название либо неточное, либо изменено, но нельзя исключить и случайность совпадения с названием текста Платонова. Количество страниц (5) позволяет сделать вывод, что на рецензирование была представлена либо расширенная заявка на сценарий, либо краткое либретто.

Из протокола от 6 марта 1929 г. заседания комиссии по организации совещания по сценарному делу стал известен факт, не отмеченный в биографии Платонова, – приглашение его для

участия во всесоюзном Совещании сценаристов, которое проходило в 1929 г. – с 25 по 27 марта. Примечательно, что в списке лиц, которых организаторы планировали привлечь к работе киносовещания, Платонов упоминается дважды. Первый раз – среди представителей «Совкино», второй – как особо приглашенный писатель³¹. Приглашение он мог и не принять, мог быть в отъезде – этот период в биографии Платонова слабо документирован. Во всяком случае сохранившаяся стенограмма совещания не дает никаких намеков на присутствие Платонова на заседаниях. Среди выступлений, отраженных в стенограмме, любопытно выступление В. Шкловского, не так давно тесно сотрудничавшего с Платоновым над многочисленными переделками сценария «Песчаная учительница». Речь Шкловского проникнута общим пренебрежительным тоном, с которым он излагает факты неудовлетворительных опытов разных писателей в написании сценариев. В это время большие надежды на преодоление сценарного кризиса с помощью привлечения писательских сил сменились скептицизмом, критикой и попытками найти оптимальный формат взаимоотношений писателей с кинофабриками, который после многих неудач сводили к предоставлению темы и помощи в дальнейшем сценаристу и режиссеру. Шкловский неодобрительно отзывался о попытках писать сценарии Брюсова, Серафимовича, Вс. Иванова, но, что характерно, Платонова и сложности с «Песчаной учительницей» не упомянул, возможно, потому, что Платонов все же сидел в это время в зале³².

К 1930 г. относятся два значительных и сюжетно самостоятельных текста Платонова: либретто «Машинист» и сценарий «Турбинщики» (авторское определение жанра – «кинематографический очерк»).

До сих пор не удается однозначно ответить на вопрос, что было написано раньше: повесть «Котлован» (Н. Дужина датирует его концом весны – началом лета 1930 г.) или «Машинист», имеющий значительные сюжетные соответствия колхозным страницам повести. Однако хотелось бы обратить внимание на следующий факт: в машинописи письма по поводу либретто «Машинист»³³ (в тот момент безымянного – для названия оставлено место) кинофабрика именуется «Совкино», с марта 1930 переименованное в «Союзкино». Так как письмо писалось, судя по всему, по поводу уже готового, пусть и не озаглавленного текста, логично датировать либретто началом 1930 г. Впрочем, Платонов мог и ошибиться в названии кинофабрики.

Новые материалы позволяют уточнить и дополнить историю работы Платонова над сценарием о Ленинградском металлическом заводе им. Сталина (ЛМЗ) – «Турбинщики». Прежде всего, теперь можно с уверенностью говорить о его завершенности.

Известная нам только в рукописи часть сценария, находящаяся на оборотах машинописи повести «Эфирный тракт» (1927), заканчивается в напряженный момент действия сноской «Продолжение – см. отдельные листы со стр. 39». Окончание сценария в современных архивных фондах Платонова не выявлено. Динамическая транскрипция рукописи опубликована в 1-й книге издания «Архив А. П. Платонова» как незавершенное произведение³⁴.

Одним из косвенных свидетельств того, что работа над «Турбинщиками» была закончена, является ответ Платонова на анкету журнала «На литературном посту» «Какой нам нужен писатель» от 27 июня 1931 г. Отвечая на вопрос: «Что вы написали в последние два года?», Платонов среди других произведений назвал и «сценарий о лен. заводе им. Сталина». Однако по какой-то причине название сценария в анкете жирно вычеркнуто³⁵. Возможный след дальнейшей судьбы «Турбинщиков» содержится в протоколе № 7 заседания краеведческой секции ВССП от 8 декабря 1931 г., на котором обсуждалась организация вечера для «читки т. Платоновым написанного им сценария, о котором он указывает в своем заявлении»³⁶.

Фильм о турбинном заводе был включен в тематический план кинофабрики «Культурфильм», она же – 3-я московская кинофабрика «Союзкино» («Совкино» до февраля 1930 г.). Написание сценария было закреплено за Платоновым: в официальном письме из отдела по производству фильмов «Союзкино» директору фабрики «Культурфильм» «тов. Смирнову» по поводу тематического плана культурфильмов на 1931 г. и состояния сценарного портфеля говорилось, что отдел «считает необходимым закрепить <...> следующие темы и предлагает <...> приступить к обеспечению их сценарными заготовками». В разделе полнометражных агитпропфильмов под номером 5 значится тема «Турбостроение», рядом с ней от руки вписано: «Платонов». В пояснении к теме написано: «Гигант советского машиностроения в Ленинграде Завод им. Сталина. Основной акцент это показать гигант, как завод Втуз. В остальном согласиться с установкой ф<абри>ки»³⁷.

Фабрика «Культурфильм» находилась в Москве по адресу 1-й Брянский пер., д. 11. В записной книжке с турбинными заметками Платонова сохранилась запись телефона бухгалтерии фабрики: «3 Кинофабрика, 68-22»³⁸. Возможно, стоящая рядом запись «Савостьянов 375 руб.» связана с выплатой за работу Платонова для этой кинофабрики.

В сценарии так или иначе отразились или были упомянуты такие пункты из плана фабрики «Культурфильм» на 1930/31 гг., как: «1. Пятилетка, 2. Новые формы соцсоревнования, 3. Ударные бригады, 4. Единоначалие, <...> 11. Изобретательство в СССР, 12. Вредительство, <...> 15. Производство электро-энергии, <...> 28. Турбина»³⁹.

Работа над сценарием Платоновым была, очевидно, остановлена не позднее апреля 1931 г. Упоминание о некоем сценарии есть в агентурном донесении в ОГПУ от 6 мая 1931 г.: «Вообще, сказал ЗЕЛИНСКИЙ, у ПЛАТОНОВА множество рукописей, которые никогда не смогут быть напечатаны. Замечу, что мне лично известны две таких рукописи: колхозные очерки, отвергнутые “Федерацией” и “Октябрем”, и сценарий, отвергнутый ф<абри>кой Культурфильм – его можно найти в делах фабрики»⁴⁰. Какого рода материалы оставались в архиве фабрики, неизвестно, выявить их к настоящему моменту не удалось, но стало очевидно, что речь шла именно о «Турбинщиках» и что сценарий был окончен, потому что представление на студию части текста не практиковалось.

Нельзя исключить, что фильм об ЛМЗ, возможно, стоял в конце 1930 г. и в планах ленинградской фабрики «Союзкино». Об этом напрямую говорится в заметке газеты «Кадр», многотиражке ленинградской кинофабрики: «...в производственный план фабрики включена тема большой картины “Завод – ВТУЗ” – при разработке которого в основном будут использованы материалы завода им. Сталина. Вся работа по плану проводится нами совместно с Облсовнархозом»⁴¹. Примечательно, что это был ответ на заметку «“Великий немой” должен заговорить о кадрах», напечатанной в № 59 «Полуостровского гиганта» (заводской газеты ЛМЗ) за 1930 г. (с. 3). Как сказано выше, именно в сторону акцента на статусе ЛМЗ как завода-втуза были рекомендованы переработки закрепленного за Платоновым сценария на 3-й московской кинофабрике. Можно лишь предположить, что на ленинградскую фабрику тема могла быть передана после отказа от сотрудничества с Платоновым на фабрике «Культурфильм» в Москве, так как одновременная разработка двух фильмов об одном и том же заводе маловероятна.

Что стало причиной отклонения сценария, можно пока только гадать. Возможно, Платонов просто отказался от навязываемой переделки с акцентом на теме «завод-втуз». В дошедшей до нас части «Турбинщиков» эта линия отсутствует (хотя в записной книжке завод-втуз упоминается не единожды). Переделка фактически означала бы написание сценария заново. От бесконечного процесса перекраивания сценарных текстов Платонов устал еще при написании шести вариантов «Песчаной учительницы».

Освоение фондов киноорганизаций продолжается. Конечно, что-то для нас уже безвозвратно потеряно, потому что материалы сохранились фрагментарно. Распыленность документов по разным фондам значительно затрудняет исследовательскую работу. Но думается, что многое о работе Платонова в кино нам еще предстоит узнать.

Примечания

- 1 См.: Платонов А. Котлован : Текст. Материалы творческой истории. СПб., 2000. С. 323–363.
- 2 См.: Корниенко Н. Примечания // Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии / публ. М. А. Платоновой ; сост., подг. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко. М., 2000.
- 3 См.: Богомолова М. Преамбула к разделу «Сценарии» ; комментарии к либретто и сценарию «Песчаная учительница» // Платонов А. Сочинения. Т. 2. / ред. Н. В. Корниенко, Е. А. Рожнецова. М., 2016. С. 738–759 ; Рожнецова Е. Комментарии к либретто «Епифанские шлюзы» // Там же. С. 759–766 ; Корниенко Н. Комментарии к либретто «Надлежащие мероприятия» // Там же. С. 822–833.
- 4 См.: Галушкин А. К истории личных и творческих взаимоотношений А. П. Платонова и В. Б. Шкловского // Андрей Платонов : Воспоминания современников : Материалы к биографии / сост., подг. текстов и примеч. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубиной. М., 1994. С. 172–183.
- 5 Цит. по: Мандельштам О. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М., 2011. С. 231.
- 6 Там же. С. 407.
- 7 Там же. С. 692.
- 8 Данный документ в архивах не выявлен.
- 9 РГАЛИ. Ф. 2456 (Министерство кинематографии СССР). Оп. 10. Ед. хр. 1091. Л. 2 об.– 3 об.
- 10 Платонов А. «...я прожил жизнь» : Письма. 1920–1950 гг. / под общ. ред. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубиной. М., 2013. С. 230, 239.
- 11 Подробно см. в указанных работах М. В. Богомоловой.
- 12 Платонов А. «...я прожил жизнь» : Письма. С. 225.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 239.
- 15 Подробно об этом см.: Богомолова М. Первый кинодраматургический опыт Андрея Платонова : История экранизации рассказа «Песчаная учительница» // Киноведческие записки. 2015. № 110. С. 89–98.
- 16 РГАЛИ. Ф. 2494 (АРРК). Оп. 1. Ед. хр. 291. Л. 6 об.
- 17 Там же.
- 18 Там же. Ф. 645 (Главискусство). Оп. 1. Ед. хр. 355. Л. 132.
- 19 Там же. Л. 137.
- 20 Там же. Л. 153.
- 21 Там же. Ед. хр. 362. Л. 223.
- 22 Платонов А. «...я прожил жизнь» : Письма. С. 238.
- 23 РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 355. Л. 136.
- 24 Там же. Л. 200 об.
- 25 См.: Корниенко Н. Между Москвой и Ленинградом : О датировке и авантексте романа «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова : Проблемы творчества. Вып. 6. / отв. ред. Н. В. Корниенко. М., 2005. С. 628.
- 26 РГАЛИ. Ф. 2498 («Совкино»/«Союзкино»). Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 41. Указывалось Н. В. Корниенко и Е. А. Рожнецовой.
- 27 Там же. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 357. Л. 67.
- 28 См.: Киришон В. На кино-посту. М., 1928. С. 30.
- 29 Сольский В. Некоторые итоги кино-дискуссии // Советское кино перед лицом общестественности : сб. дискус. ст. / под ред. К. Мальцева. М., 1928. С. 68–69.
- 30 РГАЛИ. Ф. 2498. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 43.
- 31 Там же. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 1 об., 2 об.
- 32 Там же. Ед. хр. 367.
- 33 См.: Платонов А. «...я прожил жизнь» : Письма. С. 280.
- 34 См.: Незавершенный заводской сценарий. Статья и публ. А. Гущиной // Архив А. П. Платонова. Кн. 1. Научное издание / отв. ред. Н. В. Корниенко. М., 2009. С. 147–177.
- 35 См.: Андрей Платонов : Воспоминания современников : Материалы к биографии. С. 286.
- 36 Московская Д. К истории производственного очерка (1929–1930) // Текстологический временник : русская литература XX века : вопросы текстологии и источниковедения : сб. / отв. ред. Н. В. Корниенко. Кн. 2. М., 2012. С. 821.
- 37 РГАЛИ. Ф. 2498. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 173–173 об.
- 38 Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 66.
- 39 РГАЛИ. Ф. 2498. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 14.
- 40 Андрей Платонов в документах ОГПУ–НКВД–НКГБ. 1930–1945 / публ. В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова : Проблемы творчества. Вып. 4. / ред.-сост. Н. В. Корниенко. М., 2000. С. 851.
- 41 Фабрика отвечает Сталинцам // Кадр. 1930. 24 дек. (№ 18). С. 3.

Образец для цитирования:

Клементьев Р. Е. Работа А. П. Платонова в кино (1927–1930 гг.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 312–317. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-312-317.

Cite this article as:

Klementiev R. E. A. P. Platonov's Work For The Cinema in 1927–1930. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 312–317 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-3-312-317.